

ность нѣмецкой школы“, и признавалъ вездѣ, во всемъ и у всѣхъ только то высокимъ и истиннымъ, что дѣйствительно было музыкально, просто, естественно и правдиво. Наслѣдовавшая у насъ мѣсто Глинки и Даргомыжскаго новая русская школа наслѣдовала всѣ ихъ принципы, всѣ ихъ симпатіи и антипатіи, весь ихъ образъ мыслей, и повела дѣло еще далѣе. Еще бы консерваторіи обращать вниманіе на всѣ подобныя глупости! Она тщательно ихъ игнорировала, тщательно игнорируя напередъ всѣ эти „полудилеттантскія“, „не вполне удачныя“ сочиненія такихъ людей, конечно, ничуть не обязательныя для Европы, для настоящаго искусства!

Какъ смотрѣла консерваторія на самостоятельную мысль новыхъ русскихъ музыкантовъ, при оцѣнкѣ ими другихъ и при ихъ собственномъ художественномъ творествѣ, это мы можемъ хорошо узнать изъ статей одного изъ самыхъ основательныхъ глашатаевъ консерваторскихъ взглядовъ, бывшаго воспитанника консерваторіи, г. Лароша. Онъ даже и Глинку преимущественно оцѣнивалъ со стороны того, что сближало его (по понятіямъ г. Лароша) съ Европой и школьной музыкальной схоластикой. „Изящная классическая законченность Глинки, пожалуй, удивительнѣе его феноменальнаго таланта,—говоритъ онъ.—Изъ того, что онъ, учась, хваталъ урывками въ Италіи и Германіи (!?), у него сложился тотъ безукоризненно-изящный, кристаллически-ясный стиль, который сдѣлалъ его русскимъ Моцартомъ“... Что касается другихъ русскихъ композиторовъ, то г. Ларошъ, совершенно во вкусъ своего учителя, А. Г. Рубинштейна, совершенно по консерваторскимъ понятіямъ, признавалъ ихъ только—дилеттантами. „Русскій музыкантъ—прежде всего баринъ,—проповѣдывалъ г. Ларошъ,—не потому, чтобъ въ немъ текла дворянская кровь, а потому, что между нимъ и его занятіемъ связь случайная: онъ „удостоиваетъ“ музыку своего вниманія. Музыка его не кормитъ, или кормитъ въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ: онъ обладатель имѣній, чиновникъ или профессоръ... Бойцы дилеттантизма руководились вѣрнымъ чутьемъ, когда они, при учрежденіи петербургской консерваторіи встрѣтили ее ожесточенной бранью: они чувствовали, что золотой вѣкъ барской забавы прошелъ, и что если дать жить этой, только-что возникавшей, школѣ, то ея ученики съ меньшимъ ломаньемъ сдѣлаютъ больше, чѣмъ всѣ дилеттанты... Подъ влияніемъ времени, и особливо благодаря Глинкѣ, сформировался особенный, облагоустроенный типъ Россійскаго музыканта изъ баръ, типъ, повидимому, высоко цивилизованный, свободный отъ предрассудковъ, и болѣе современный, чѣмъ сама современность...